

Дорогие читатели!

В детстве мы мало знаем о том, что превосходит наш собственный опыт. Вот как это было в моем случае: я выросла на Аляске и понятия не имела, что где-то бывают не холодные и не темные зимы и что лето — это не обязательно вечный полярный день. Я не знала, какой вкус у фруктов, за исключением тех, что хранятся в жестяных банках. Я думала, что хвастаться и говорить о себе запрещено детям во всем мире. О том, что ты не обязательно автохтон¹, если родился на Аляске, я узнала примерно в том же возрасте, что и Лилия, одна из героинь моей книги.

Я встречала людей, которые приезжали на Аляску из разных мест, и меня даже немного обижало то, что они начинали романтизировать нашу жизнь, ни в чем не разобравшись. Когда я стала журналистом, не могла понять, почему новостные агентства за пределами Аляски не пускают в эфир мои репортажи о проблемах образования или о домашнем насилии, но охотно передают сообщения о лосе, выскочившем на дорогу. Кажется, что Аляска — это какая-то диковинка, а не реальное место с живыми людьми. Мне постоянно говорили:

¹ Коренной житель определенной местности, как и абориген. *Здесь и далее прим. перев.*

«Тебе надо ненадолго уехать. У тебя нет представления о том, что считается нормальным».

Так оно и было. Мне пришлось уехать, чтобы написать «Запахи чужих домов». Я начала книгу, когда жила в Новой Зеландии, а закончила в Колорадо. Я стала понимать, чем Аляска отличается от других мест и почему у меня было такое расплывчатое представление о том, что находится за пределами родного штата. Но еще важнее, что именно вдали от дома я смогла создать образы Элис, Руфи, Доры и Хэнка, четырех главных персонажей моей книги, и точнее описать, каково это — взрослеть на Аляске. Оба моих ребенка выросли на рыбацкой лодке, их взросление во многом похоже на взросление Элис, так что они ценят тяжелый труд и умеют чувствовать настоящую красоту. Я знала девушек, похожих на Руфь, которые находили утешение в доброте незнакомцев; знала и парней, которые, как Хэнк и его братья, были готовы пожертвовать всем ради лучшей жизни. Будучи журналистом, я чувствовала свою беспомощность, когда встречала таких девочек, как Дора. Их слишком много, и я никогда не смирюсь с этой несправедливостью. Конечно, людей, похожих на моих персонажей, можно встретить в любом уголке планеты, но я пишу о том месте, которое знаю лучше всего, — об Аляске.

Я надеюсь, что для вас, дорогие читатели, эта книга станет открытой дверью чужого дома, войдя в которую вы ясно ощутите, каково быть тем, кто там живет. Добро пожаловать в «Запахи чужих домов». Для меня большая честь поделиться этими историями с вами.

Бонни-Сью Хичкок

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Как было раньше. Руфь, 1958–1963 годы	11
Глава первая. Запахи чужих домов. Руфь	19
Глава вторая. The Ice Classic. Дора	35
Глава третья. Балерина-рыболов. Элис	51
Глава четвертая. Погоня за косатками. Хэнк	65
Глава пятая. Только вперед. Руфь	81
Глава шестая. Рыболовецкий лагерь. Дора	97
Глава седьмая. Не спрашивай, не говори. Элис	111
Глава восьмая. Нас заметили. Хэнк	123
Глава девятая. Снежный ком несчастий. Руфь	135
Глава десятая. Чертова голубая записка. Дора	151
Глава одиннадцатая. If You Must Smoke, Smoke Salmon. Элис	167
Глава двенадцатая. Долгожданная встреча. Хэнк	181

Глава тринадцатая. Колокольчики в бутылке из-под виски. <i>Руфь</i>	197
Глава четырнадцатая. Черничный пирог. <i>Дора</i>	209
Глава пятнадцатая. Балерины. <i>Хэнк</i>	223
Глава шестнадцатая. Братья. <i>Элис</i>	227
Глава семнадцатая. Декабрь 1970-го. <i>Руфь</i>	235
ИНТЕРВЬЮ С БОННИ-СЬЮ ХИЧКОК	247
СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ	254

ПРОЛОГ

КАК БЫЛО РАНЬШЕ

РУФЬ, 1958–1963 ГОДЫ

Я не могу перестать вспоминать о том, как было раньше. Как отец охотился, чтобы нас прокормить. Как он подвешивал тушу оленя в сарае, чтобы заготовить мясо, и как разъезжались оленьи ноги с копытами, напоминающими пуанты балерины, когда отец вспарывал зверю живот. Я сотни раз видела, как он срезает мясо. Я до сих пор слышу, как лезвие ножа царапает кость. Самое вкусное мясо со спины оленя, я его обожала, а у папы получалось срезать его так же красиво, как у мамы завязывать бантики на подарках. Он нес свежее мясо в дом голыми руками, и весь путь от сарая до кухонной раковины, начищенный мамой до блеска линолеум был усеян капельками крови.

Иногда папа приносил в миске еще теплое оленьё сердце и разрешал мне его потрогать. Я прикасалась к нему губами и целовала мягкую розовую плоть,

надеялась почувствовать пульсацию, но сердце уже не билось. Мама, уткнувшись отцу в шею, смеялась и называла его Даниэлем Буном¹, а он запускал окровавленные пальцы ей в волосы. И родители начинали вальсировать по кухне. Мама была из тех людей, кто ставит букетики диких цветов в бутылки из-под виски. Люпины и наперстянки на кухне, сирень в ванной. Мама пахла как моховая трясина после ливня и оставалась красивой даже с кровью в волосах.

Мой мольберт стоял на кухне, так что я могла смотреть, как мама готовит мясо, и рисовать, одетая в балетную пачку, которую папа привез мне из очередной поездки во внешний мир. К пачке прилагались подходящие по цвету розовые пуанты, которые я не снимала, даже когда ложилась спать. Мама надевала на меня одну из больших папиных фланелевых рубашек, чтобы я не испортила свой любимый наряд. Рубашка на мне свисала до пола; длинные рукава были подвернуты много раз и напоминали пышные булочки с корицей. Я пыталась найти такой оттенок красного, который был бы похож на цвет крови в маминых волосах, смешивала все краски, но каждый раз получала коричневый.

Папа часто говорил слова, которых я не понимала, например, что «если присвоят статус штата, то мы рискуем потерять права на охоту» и что «федералы все испортят». Мой пятилетний мозг думал, что статус штата — это такая новая машина с очень большим капотом. Я не знала, кто такие федералы, папа объяснил, что это люди, которые будут решать, сколько оленины и лосося нам

¹ Американский первопоселенец и охотник, один из народных героев США.

можно есть. Мамин живот вырос и округлился, и даже я понимала, что это предвещает появление еще одного едока. Папа поднимал мамину рубашку и целовал раздувшийся живот так же, как я целовала оленьё сердце.

— Ты целуешь живот, потому что он больше не бьется? — спрашивала я отца. Мамин живот был белым, как брюхо оленихи.

— Конечно, бьется, — отвечал он. — Не переживай.

Оказалось, что статус штата — это не новая машина, а что-то важное, и папе, чтобы попытаться это остановить, пришлось лететь в Вашингтон — туда, где «нужно показывать паспорт, когда сходишь с самолета и где никто не охотится и не рыбачит», — и ему пришлось купить новые туфли, чтобы пойти на встречу и рассказать, почему жители Аляски не хотят присвоения статуса штата. Некоторые люди этого хотели, но они не были папиными друзьями.

Папа рассказал мне, что жители Аляски не слишком заботятся о том, что происходит в Вашингтоне, но большинство очень огорчилось, когда «люди из внешнего мира» стали принимать решения за нас. Я не знала, кто были эти люди из внешнего мира, и надеялась, что никогда-никогда их не повстречаю.

Потом пришло письмо — на марке был флаг с кленовым листом; когда мама читала его, бумага в ее руках тряслась. Я видела, как беззвучно шевелятся ее губы, и понимала, там было что-то плохое. Мама упала, схватившись за живот, и стала издавать звуки, которые я слышала только от диких зверей в дремучем лесу.

Лилия родилась на следующий день после письма, и я думаю, мама не видела ее вовсе, потому что, когда я после родов заглянула маме в глаза, в них была

пустота. Медсестра спросила, как назовут ребенка, и когда мама ответила «Лилия», мне показалось, что она разглядывает цветы у кровати, а не завернутый в больничное одеяло розовый комочек, кричащий так, будто ему тоже не хочется быть здесь. Бабушка приехала на роды, но потом мама осталась в больнице, а нас с Лилией усадили в потертую коричневую машину с прожженной сигаретами обивкой. Я думала, что новорожденному вредно таким дышать, но Лилия и не заметила запаха, просто лежала, как будто на самом деле была всего лишь неподвижным комком, а я всю дорогу до бабушкиного дома в Берч-Парке прижимала к носу шарф.

— Маме нужно время, — вот как ситуацию объяснила бабушка, а потом пересказала содержание письма. Самолет, в котором летел папа, потерпел крушение над Канадским Арктическим архипелагом, совсем немного недотянув до Аляски. Бабушка сказала, что самолет упал, когда мужчины возвращались домой после встречи. Что-то в ее голосе натолкнуло меня на мысль, что она не считает папу «смелым человеком с великими идеями по развитию Аляски», как это значилось в письме. Читая его, она фыркала, а в конце высморкалась.

Потом бабушка сказала:

— Плачь, если хочешь, но его уже не вернуть.

В Берч-Парке пахло как в старушечьем доме, я этого не замечала раньше, когда мы приезжали в гости к бабушке — что случалось не слишком часто. У нее не было букетиков в бугылках из-под виски и подвешенных под потолком оленьих туш. В холодильнике лежало лишь бледно-розовое мягкое мясо на пластиковой подложке,

обернутое пленкой. В нем не было ни капли крови, и от этого я тосковала по дому и относилась ко всему с недоверием.

На следующий день на первой странице газеты жирными буквами напечатали «Свершилось!», так мы узнали, что Аляска стала сорок девятым американским штатом. Бабушка не поняла, что произошло плохое, она вырезала заголовок и сказала мне сохранить бумажку, чтобы всегда помнить об этом дне. Но я-то хотела помнить о том, как было раньше, до этой истории с присвоением статуса штата.

Когда мама не приехала вечером, на следующий день, а потом и через день, я решила, что присвоение статуса штата как-то повлияло и на нее. Может, у нее не было нужного паспорта или она носила не те туфли? Или, может, она отправилась в Канаду, где канула в ту же бездонную пустоту, которая поглотила и папу.

Я ждала маму, беспокоилась, что Лилия не узнает, каким должен быть мир на самом деле. Но годы шли, и накануне моего десятого дня рождения начала подниматься вода, я знала, что так и должно быть — река мстила. Вода вышла из берегов и поднималась выше и выше, слизывая все подряд огромным мокрым языком. Папа был прав, когда говорил, что реку невозможно укротить.

Ржавые бочки, голубые переносные холодильники и жестянки с персиками и фруктовым салатом вымывало из кладовок, и они, подпрыгивая, проплывали по Второй авеню. Чья-то красная кружевная комбинация повисла на кусте гороха мистера Петерсона. Лилия смеялась до упаду, пока бабушка не цыкнула на нее. Бабушкино лицо было красным, как переспелая

клубника. Нижнее белье — не повод для шутки даже во время наводнения.

Лилии было уже пять, и она чуть не сошла с ума от радости, когда нас с крыльца забрала лодка, ведь вода все прибывала. Я же просто молилась, чтобы наводнение не кончалось и чтобы реки каким-то образом вынесли нас в прежнюю жизнь.

Но лодка прошла всего милю от порога и высадила нас у школы, к которой вода пока не добралась, потому что та стояла на холме. Лилия смеялась и играла со своей подружкой Банни, и вообще вела себя так, будто мы отправились в путешествие, полное приключений.

Когда нам делали прививки, меня за руку держала девочка по имени Сельма, а я притворялась, что сжимаю ее ладонь только чтобы ей не было страшно, хотя на самом деле тоже приходила в ужас при виде шприцев. Мы ровесницы, и даже тогда она была храбрее меня. Кроме Сельмы, наводнение не принесло мне ничего хорошего.

Несколько дней спустя мы вернулись в отсыревший затхлый дом в Берч-Парке. В нем не было мебели, только кое-какие вещи из гуманитарной помощи, которые нам привезли на грузовике из Анкориджа. Ковер еще несколько недель хлюпал и плевался мутной водой, стоило нашим поношенным кроссовкам наступить на него. Бабушка примкнула к волонтерам, пытавшимся добиться от нового правительства штата возмещения ущерба, который люди понесли во время наводнения. Некоторые соседи сообщали, что у них пропало все. Мама Доры Петерс заявила, что она лишилась стиральной машины, электрической сушилки, кухонного стола и каких-то причудливых прикроватных

ламп. Бабушка поджала губы, но записала все до единого слова в большую черную книгу, на обложке которой значилось: «Собственность правительства Соединенных Штатов».

— Ни у кого в Берч-Парке не было ни стиральной машины, ни сушилки, — сказала я за ужином.

Бабушка промолчала.

— А мы можем получить стиральную машину и сушилку? — спросила Лилия.

— Не выдумывай, — проворчала бабушка.

— Но ведь они соврали, — возразила я. — Ни у кого не было такой роскоши.

— Это не наше дело.

— Но ты же представитель правительства. Это твоя работа.

Бабушка прищурилась.

— Не надо учить меня моей работе, юная леди.

Я опустила глаза в бумажную тарелку, которую держала на коленях. Сок консервированной свеклы растекся по кусочкам ветчины из жестянки с надписью Spam. Это ненастоящее мясо. Мне хотелось сочной спинной вырезки. Я согнула тарелку, еда перемешалась. Никто и слова не проронил, пока я выходила из комнаты, даже когда кроваво-красный свекольный сок потек из уголка тарелки по моей ноге на пол. Я засунула тарелку глубже в мусорное ведро, и мне показалось, что в ней было мое отстучавшее сердце.

В весеннем небе столько звезд,
Что я до дома самого
Вести бы мог челнок.

Джон Стрэйли¹

¹ Аляскинский писатель и поэт.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАПАХИ ЧУЖИХ ДОМОВ

РУФЬ

Однажды я перестала ждать, что мама вернется. Сложно оставаться верной мечте пятилетней девочки, а вспомнить лицо человека, пропавшего десять лет назад, еще сложнее. Но я не переставала надеяться, что где-то есть место получше Берч-Парка. И жизнь получше жизни с бабушкой.

В шестнадцать лет мне казалось, что Рей Стивенс точно лучше всего этого. Его отец был частным детективом, а еще он сопровождал охотников в лесу. Его семья только что построила дом на берегу озера, где был припаркован их личный гидросамолет, а зимой они могли доехать на снегоходе от своего порога до самого Муз-Крика¹.

¹ Вероятно, маленький городок на Аляске.

Дом Стивенсов был построен из свежесрубленного кедра. Им пахла одежда Рея, и я чихала, стоило мне приблизиться к нему, но все равно держалась рядом.

Запах кедра — это запах вечеринок школьной команды пловцов дома у Стивенсов и фотографии Ричарда Никсона, большой, двадцать на двадцать пять, которая висела у них в гостиной. Запах кедра — это запах республиканцев. Он сопровождал меня, пока я украдкой пробиралась из комнаты старшей сестры Рея (Анна тоже плавала в моей эстафетной команде; я подружилась с ней нарочно) в комнату Рея, где заползала на двуспальную кровать напротив раздвижных стеклянных дверей с видом на озеро. Много ли шестнадцатилетних парней могли похвастаться двуспальной кроватью? Думаю, только один — у него были кудрявые светлые волосы, выцветшие из-за хлорки в бассейне, и спал он на простынях, пахнущих кедром и стиральным порошком Tide. Он был лучшим прыгуном в воду во всем штате, а я всего лишь плавала в дурацкой эстафетной команде, и все-таки он меня заметил. Мы почти захлебывались в смеси наших запахов: хлорки и неопытности — угадайте, который из них мой?

Он уже научил меня целоваться по-французски, и я предвкушала то, что может случиться дальше. Я была католичкой, от меня несло чопорностью, а не распушенностью. Поэтому он обещал, что ничего страшного не сделает, а только тихонько потрогает меня, и то не везде, чтобы по возвращении домой меня не выдал запах. Дома пахло плесенью от подержанной мебели. Или это был запах вины и греха?

В доме у Стивенсов все было новенькое, будто только что доставили на самолете из внешнего мира,

и не было никаких правил. Ворс на оранжевом ковре был такой густой, что утром я, наступая на свои же следы, возвращалась в комнату к Анне, будто там и провела всю ночь.

В команду по плаванию я вступила только потому, что с балетом не вышло. Бабушка говорила, что любые танцы — это скользкая дорожка, которая ведет прямоком к тщеславию. А хуже гордыни нет ничего. Мы с Лилией понемногу расплачивались за грех. Прятали табели с хорошими оценками, пропускали комплименты мимо ушей и старались не высовываться. А потом еще расплачивались за это самое тщеславие на исповеди по воскресеньям: «Прости меня, Господи, ибо я согрешила. Сегодня я улыбнулась себе в зеркале».

Я правда так сделала. Один раз. Я так себе понравилась, что улыбнулась отражению и принялась кружиться и пританцовывать, как будто держала весь мир в своих шестилетних руках. Я собиралась на первое занятие по танцам, на мне была прелестная розовая пачка, а длинные светлые волосы доходили аж до попы. Мои волосы были такие густые и длинные, что стоило мне помотать головой из стороны в сторону, как они начинали приятно шуршать, соприкасаясь с сетчатой тканью пачки. Это была та самая пачка, которую привез папа. Такую нельзя было купить даже в Фэрбанксе¹, и я думаю, бабушка не знала, что в этой пачке есть что-то особенное, иначе она никогда не позволила бы мне обладать вещью, которой не было у других девочек. Я была

¹ Один из крупнейших городов Аляски, расположенный в центре штата.

в полном восторге. Помню, когда подошла к дверям школы танцев, там стояла Элис с мамой. На Элис был черный гимнастический купальник и однотонные розовые колготки. Готова поспорить, что ей стало завидно, когда она, придержав дверь, чтобы я прошла, увидела мою пачку и когда ее мама сказала:

— Какие у тебя чудесные длинные волосы, я еще ни у кого таких не видела.

— Знаю, я вообще вся прехорошенькая, — не раздумывая ответила я.

Мама Элис улыбнулась мне, но вдруг ее лицо приняло совсем другое выражение. В тот же миг бабушка схватила меня за руку и затащила внутрь. Я даже не успела задуматься, что же я такого неправильного сказала. Бабушка отвела меня в туалет и прошипела сквозь зубы:

— Так ты думаешь, что особенная, да?

Она вынула из сумки ножницы с оранжевыми ручками, наверное, всегда носила их с собой на тот случай, если произойдет что-то подобное. Ножницы были похожи на птицу с железным клювом. Очень громкую. Я до сих пор слышу звук, с которым эта дикая птица срезала мои волосы. Бабушка вывела меня из туалета и заставила встать на место, которое мисс Джуди пометила на полу кусочком клейкой ленты. Никто не смотрел на меня открыто, но на каждой стене висело зеркало, так что я видела, как девочки исподтишка посматривают на меня. А еще видела свои волосы, торчащие во все стороны, будто по голове прошлись газонокосилкой. Больше локоны не шуршали по пачке. На второе занятие я не пошла. А бабушка никогда об этом дне не упоминала.

Но я не забыла про это и спустя столько лет понимала, что если поймала за хвост удачу в виде богатого популярного парня, да еще и если его семья тебя полюбила, — тебе остается только затаить дыхание и надеяться, что все это продлится подольше. А еще никогда-никогда не хвастаться и не быть о себе высокого мнения.

Поэтому я стащила у Рея белую футболку и хранила ее под подушкой, представляя, что и мой мир может заполнять запах кедра. Никто ничего не заподозрил, ведь треск, с которым тараканы жителей Берч-Парка грызли крекеры, заглушал все вокруг. А я тем временем старалась не высовываться, пусть все ошибки совершает Лилия.

— А Банни сказала, что мы бедные, — заявляет Лилия, когда они с этой самой Банни, ее лучшей подружкой, с шумом вваливаются в дверь вместе с потоком холодного воздуха. Они кидают варежки и комбинезоны в одну большую кучу и, сбивая друг друга с ног, торопливо стягивают ботинки, чтобы не опоздать к ужину.

Бабушка разогревает остатки обеда католической социальной службы. Она подрабатывает машинисткой у архиепископа, так что мы вне очереди получаем еду, оставшуюся после их мероприятий. Сегодня ее принес отец Майк собственной персоной, заявился в своем всегдашнем белом воротничке, который не дает ему свободно дышать.

У нас в гостях Сельма, и мы вместе накрываем на стол. Я вижу, как бабушка смотрит на еду, размышляет,

хватит ли ее, чтобы накормить два лишних рта. Она тянется за банкой с надписью Spam.

— Я не говорила, что вы бедные. Я сказала, что вы живете хуже, чем мы с Дамплинг, — говорит Банни. Дамплинг — ее старшая сестра.

Я вижу, что бабушка вздыхает — явный признак того, что мы «загоняем ее в могилу». Мы постоянно этим занимаемся, особенно Лилия, которой теперь в этом деле помогает и Банни. Бабушка говорит, что, если бы ей не нужно было о нас заботиться, она осталась бы еще молодой женщиной. Я смотрю на ее обвисшую грудь и опускаю взгляд на запеканку с тунцом. Бедная Лилия, в запеканке снова горошек.

— Где же вы так разбогатели? — спрашивает Лилия Банни, пока они толкаются у раковины, сражаясь за кусок мыла фирмы Joy.

— На рыбалке, — отвечает Банни, — мы ловим лосось тоннами.

— Моя двоюродная сестра уезжает на рыбацкую тоню¹ каждое лето, — подхватывает Сельма. — Вообще лосось ее не слишком интересует. Кстати, Лилия, я уверена, что Элис уступит тебе свое место: ей бы *о-о-о-чень* не хотелось рыбачить этим летом.

Двоюродная сестра Сельмы — та самая Элис с рокового танцевального занятия. Это ее мама сказала, что у меня красивые волосы.

— Не хочу я промышлять рыболовством и жить на вонючей старой лодке, — отвечает Лилия, приняв оскорбленный вид. — Вот бы поехать в рыбацкий лагерь, куда ездят Банни и Дамплинг, недалеко от их деревни.

¹ Рыболовный участок.

— Ага, — подтверждает Банни, — наша тоня за полярным кругом. Всю ночь мы стучим в барабаны и танцуем, а потом расстилаем спальники на еловых лапах и можем валяться хоть до полудня. Мы с Дамплинг стреляем по мышам из духового ружья, а еще жарим сердце лосося на костре. Это вкуснее, чем маршмеллоу! — Она потирает живот и демонстративно облизывается.

Я лучше умру, чем стану есть печеное сердце лосося. Банни хвастается, и я бросаю взгляд на бабушку, чтобы понять, задело ли ее это. Она слишком сосредоточенно раскладывает еду по тарелкам. Думаю, чужим детям можно хвастаться, если уж им так хочется. Лилии стоит быть осторожнее, как бы она не заразилась гордыней.

— А там есть майонез? — спрашивает Лилия.

Она ужасная привереда в том, что касается еды.

— Лилия, — говорит бабушка таким голосом, что та понимает: майонез — самая меньшая из ее проблем. — Прочти молитву.

— Благослови-Господи-нас-и-дары-твои-которые-по-твоим-щедротам-мы-будем-вкушать-через-Христа-Господа-нашего-аминь-а-почему-у-нас-нет-рыбацкой-тони? — выпаливает Лилия на одном дыхании.

Мы с Сельмой смотрим друг на друга круглыми глазами. Лилия постоянно ноет, что у всех, кроме нас, в Берч-Парке есть тоня. Но сейчас, сказав это в присутствии Банни, она поставила бабушку в непростое положение. К тому же сразу видно, что обе девчонки совершенно бестолковые. Им обеим уже по одиннадцать, в этом возрасте пора бы знать границы.

— У нас нет рыбацкой тони, потому что мы не автохтоны, — говорит бабушка, глядя в тарелку.

— А я не автохтон, я из атабасков¹, — возражает Банни.

Мы с Сельмой прыскаем от смеха.

— Что смешного? Она из атабасков, — вступается Лилия. — Автохтоны — это люди вроде мамы Доры, они весь день просиживают в баре и слишком пьяные, чтобы даже думать о рыбалке.

— Довольно, — произносит бабушка и с такой силой ударяет Лилию по руке, что та разжимает пальцы, а ее вилка подскакивает и со звоном падает на стол.

— Хватит болтать, ешьте то, что нам так любезно принес отец Майк.

Лилия усердно выковыривает горошек из запеканки. Ее щеки горят.

Обычно рыбацкие тони передаются из поколения в поколение, но, наверное, не стоило бабушке мешать всех автохтонов в одну кучу. Кажется, это не очень понравилось Банни. Ведь у Банни и Дамплинг самые милые родители в Берч-Парке. Семья Доры никогда не ездит рыбачить. Все-таки Лилии хватает ума не обсуждать Дору за столом.

Конечно же, все видели, что произошло в ту ночь, когда Дора выбежала из дома в сорочке. За ней гнался ее отец по прозвищу Топтыга. Мне кажется, его так окрестили, потому что он вечно поддатый и все шарахается от него, как от медведя. Папа Банни, мистер Моузис, был единственным, кому хватило смелости выйти на улицу усмирить Топтыгу. Мистер Моузис вынес большое шерстяное одеяло, завернул в него Дору и понес к себе в дом, будто она была пушинкой. Топтыга

¹ Коренной народ Аляски, относится к группе индейских народов.

напрасно орал на мистера Моузиса и угрожал ему острым краем разбитой бутылки: тот твердо стоял на месте, защищая дверь, за которой пряталась Дора.

Это продолжалось до тех пор, пока Топтыга не повалился на землю от бессилия. Отец Банни отвел его домой. А все остальные разошлись, будто ничего и не произошло.

Если вы удивляетесь, почему никто не вызвал полицию, значит вы ничего о нас не знаете. Неважно, кто ты — чернокожий, белый, автохтон или индеец, — донос всегда грех. Так или иначе это единственное правило, которое действует для всех бедняков.

Когда бабушка встает из-за стола и отходит подальше, Сельма, сама доброта, наклоняется к Лилии и шепчет: «Мне кажется, еду нам дает Бог, а не отец Майк». Моя сестра отвечает ей лишь слабой улыбкой: она слишком занята тем, чтобы свалить горошек из своей тарелки в тарелку Банни, пока бабушка не смотрит.

Банни мигом проглатывает все горошины, ведь так и должны поступать друзья. Затем они обе вылетают из-за стола, сообщая, что идут к Банни съесть по эскимо, и, прежде чем бабушка успевает возразить, оказываются за дверью.

У Лилии есть Банни, а у меня — Сельма. Именно поэтому у нас еще не поехала крыша от жизни с бабушкой.

Сельма — моя противоположность. Ее появление на свет было не из простых, и наверное, когда ей еще не исполнилось и трех дней, она решила, что у нее

будет прекрасная жизнь, несмотря ни на что. (Ей, конечно, повезло, что она не живет с человеком, который может отрезать ей волосы.) У Сельмы огромные карие глаза, как у тюленя, и по каким-то неведомым причинам она не считает нужным подчиняться общепринятым правилам, поэтому она просто прекрасный друг. Но живет она не в Берч-Парке, и мне об этом напоминает робкий стук в дверь, такой тихий, что бабушка с кухни его не слышит.

Сельма, будто улыбаясь, прищуривает свои большие глаза и произносит беззвучно: «Элис».

Элис иногда заходит за Сельмой, возвращаясь из балетной школы. Они обе живут по ту сторону реки; там в спешке ремонтируют дома и просят заоблачную арендную плату.

Элис высокая и худая, у нее острые скулы и волосы собраны в идеальный пучок. А еще она носит гетры, это, наверное, нормально в балетной школе, но в Берч-Парке, я уверена, думают, что она отрезала рукава свитера и нацепила их на ноги. У нее всегда испуганный вид, когда она заходит за Сельмой. Даже не знаю, что, по ее мнению, с ней здесь может случиться; дальше порога она не проходит.

— Ты готова? — спрашивает она Сельму, едва взглянув на меня.

Сегодня она вошла в дом только потому, что за окном минус двадцать.

— Привет, Элис, — говорю я.

— Привет, — бормочет она в ответ, глядя на лужицы тающего снега вокруг ее ботинок.

— Жалко, что ты не застала Лилию, — говорит Сельма, будто Элис есть до этого дело. — Она хотела

поговорить с тобой по поводу рыбалки. Может, ты бы могла упросить отца взять ее матросом, а у тебя было бы свободное лето.

— Сельма... — видно, что Элис неловко.

— Летом придет человек из одного из лучших танцевальных колледжей, — объясняет мне Сельма, — но Элис не может не поехать рыбачить с отцом, поэтому она пропустит смотр.

— Сельма, — говорит Элис, — твоя мама будет волноваться. Ты же ее знаешь; надо идти.

Сельма с невозмутимым видом натягивает синтетоповые штаны, не подозревая, как неловко себя чувствует ее кузина. Я провожу рукой по волосам и замираю, заметив на себе взгляд Элис. У нее маленькие испуганные глазки, как у птенчика, и я точно знаю, о чем она думает, глядя на меня. Никто из нас никогда не забудет, как бабушка обрезала мне волосы.

«Ю-ху, не видать Элис колледжа», — думаю я, когда она быстро переводит взгляд с меня обратно на пол. По крайней мере, Элис достаточно вежлива, чтобы смутиться. Чего не скажешь о Сельме.

— Не понимаю, почему ты просто не спросишь у папы, — произносит она, с трудом застегивая парку. — Или попроси маму поговорить с ним. Что тут сложного?

Прядки волос в пучке Элис начинают выбиваться из-под невидимок, как будто прическа понемногу разваливается с каждым произнесенным Сельмой словом. Мне ужасно хочется подойти к Элис и закрутить ее, как волчок. Интересно, размоталась бы она тогда вся до самых ярко-розовых гетр?

— Ее родители не особо общаются, — бросает Сельма. Теперь она роется в ящике из-под молока, где

мы храним шапки и старые шерстяные носки, которые надеваем на руки в несколько слоев. Это дешевле, чем покупать варежки.

— Твои на самом верху, — показываю я на пару варежек, которые Сельма связала сама. Их трудно не заметить: большие пальцы в два раза больше, чем нужно, и сами рукавицы кислотно-оранжевого цвета.

При всей моей любви к Сельме я раздражаюсь, когда она бывает рассеянной. Мне вдруг почему-то не терпится выставить Элис за дверь, как и ей самой — уйти.

— Спасибо за ужин, — кричит Сельма бабушке, открыв дверь; Элис буквально прыгает в снежный нанос на крыльце, пытаясь поскорее сбежать. Даже в спешке и панике она остается самым грациозным человеком из всех, кого я когда-либо видела, и мне никак не удастся представить, как Элис потрошит рыбу на вонючей лодке. Сельма улыбается, машет мне на прощание, потом берет Элис под руку, а я смотрю на их тени, удаляющиеся в желтом свете уличных фонарей. И как Сельме удастся нарушать все правила, оставаясь хорошей для всех?

Но, возможно, пришел и мой черед нарушить какое-нибудь правило. Вы же помните, что у меня есть богатый бойфренд? Наши отношения начались после того, как он шлепнул меня по попе мокрым полотенцем во время тренировки в бассейне и спросил: «Хочешь пойти на мою вечеринку после соревнований?»

С того дня мне хотелось только одного — снова остаться у него. Но бабушка позволяет нам ходить в гости с ночевкой не чаще раза в месяц. Так что

до следующего раза мне остаются только поздние телефонные звонки Рею по аппарату, который стоит в прихожей.

Длинный красный провод тянется в мою комнату, где я, накрыв голову его футболкой, слушаю, как он рассказывает мне о северном сиянии за окном: «На небе виднеются яркие сполохи, они отражаются в глади замерзшего озера крупными широкими извилистыми полосами зеленого, красного и желтого цвета».

Мы обсуждаем тренировки, и я слизываю с предплечья хлорку, представляя, что это его предплечье. Он говорит, где мне себя ласкать, и обещает кучу всякой всячины, которая случится, когда я останусь на ночь в следующий раз. Я спрашиваю, почему его семья так любит Ричарда Никсона, а он отвечает, что не знает, но иногда его отец называет президента Хитрый Дик¹. Он говорит, что хочет как-нибудь приехать в Берч-Парк, но я надеюсь, что он просто старается быть вежливым. Я бы умерла, если бы он увидел, где я живу.

— У тебя дома пахнет намного лучше, чем у меня, — говорю я ему.

Я со временем поняла, что в доме, где есть мама, как правило, пахнет лучше. Закрыв глаза, я едва могу припомнить мамины букетики диких цветов в бутылках из-под виски. Мой мозг сохранил лишь слабые воспоминания о запахе родителей, об их смехе и о том, как они кружились по кухне. Все, что я могу о них припомнить — цвет кожи, волос, одежды — имеет оттенок оленьей крови на папиных пальцах. И запах слишком большой любви.

¹ Расхожее прозвище президента Никсона.

Я ничего не рассказываю об этом Рею, у которого есть родители и дом, в котором пахнет новыми вещами. Не хочу его спугнуть.

Наконец мне удается выбраться к Рею с ночевкой, и на этот раз он показывает мне небольшую упаковку из фольги, размером с чайный пакетик, и говорит, что нам стоит воспользоваться этим на всякий случай. Но любой католик знает, что это — самый тяжёлый грех. Спросив меня раз шесть, уверена ли я, что не хочу это использовать, он сдаётся, и вот мы упиваемся друг другом, все глубже погружаясь в водоворот чувств. О том, что это, вероятно, тоже грех, я не думаю. Рей снова и снова называет меня красивой, и вот я уже начинаю верить ему. Первый раз в жизни меня кто-то заметил.

Я засыпаю возле него голая и забываю вернуться в комнату Анны. Вдруг входит миссис Стивенс со стопкой свежестиранных футболок в руках. Уже утро; солнце проникает в комнату сквозь большие оконные стекла, и мне никогда еще не было так стыдно.

— Ой, простите, — говорит она, увидев нас. — Я не хотела вот так вторгаться.

Когда она выходит из комнаты, в ее небесно-голубых глазах я замечаю грусть и, к моему удивлению, чувство вины, будто это ее застукали.

— О боже. Она не злится? — спрашиваю я Рея, натягивая на голову простыню. Если б это была бабушка, мне бы уже заказывали гроб.

Но Рей просто смеется и пытается взобраться на меня.

— А что она скажет? Как будто Анна здесь не потому, что мама занималась тем же в старших классах. Почему, думаешь, ей так рано пришлось выйти замуж?

Он тянется, чтобы дотронуться до моей груди, но я отталкиваю его руку, пытаюсь накинуть ночную рубашку. Меня тошнит, и я все еще вижу голубые-преголубые глаза его мамы, они — море, а я только что отплыла слишком далеко от берега.